

ЭЛИЗАБЕТ ЛОФТУС
КЭТРИН КЕТЧЕМ

СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ

ШОКИРУЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
УЯЗВИМОСТИ НАШИХ ВОСПОМИНАНИЙ

УДК 159.953, 343.143

ББК 88.3, 67.411

Л81

Elizabeth Loftus, Katherine Ketcham

WITNESS FOR THE DEFENCE

The accused, the eyewitness, and the expert who puts memory on trial

Перевод с английского Андрея Сатунина

Лофтус Э., Кетчем К.

Л81 Свидетель защиты : Шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний / Элизабет Лофтус и Кэтрин Кетчем ; пер. с англ. А. С. Сатунина. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с. : ил.

ISBN 978-5-389-13307-5

Элизабет Лофтус, профессор психологии, одна из самых влиятельных современных исследователей, внесшая огромный вклад в понимание реконструктивной природы человеческой памяти, делится своими наблюдениями над тем, как работает память, собранными за долгие годы ее теоретической, экспериментальной и практической деятельности.

«Опасность свидетельских показаний очевидна: любой человек в нашем мире может быть осужден за преступление, которого не совершал, или лишен заслуженной награды исключительно на основании показаний свидетеля... Описанные в этой книге реальные дела в целом составляют историю о том, как моя жизнь благодаря моим исследованиям и попыткам использования их результатов в сфере правосудия пересекалась с жизнью людей, обвиняемых в насильственных преступлениях. Одновременно это также история семей обвиняемых, история жертв преступлений и их семей, а также адвокатов, судей и присяжных заседателей, которые играют важнейшие роли во всех этих делах. Но в конечном счете это рассказ о человеческой памяти, об этой нашей восхитительной и невероятно сложной способности, позволяющей нам возвращаться в прошлое и заново переживать, а во многих случаях и переосмысливать его».

Элизабет Лофтус

УДК 159.953, 343.143

ББК 88.3, 67.411

ISBN 978-5-389-13307-5

© Elizabeth Loftus and Katherine Ketcham, 1991

© Сатунин А. С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Колибри®

Содержание

От авторов	7
------------------	---

Часть I. ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

1. Немного о психологических экспериментах	11
2. Магия разума	27

Часть II. КОНКРЕТНЫЕ СЛУЧАИ

3. Темная сторона юстиции. Стив Тайтус	53
4. Типичный американский парень. Тед Банди	93
5. Все началось со стука в дверь. Тимоти Хеннис	137
6. «Устами младенца». Тони Эрререс	186
7. «Я не мог сделать такое с ребенком». Говард Хаупт	226
8. «Ужас, настоящий ужас!» Кларенс фон Уильямс	266
9. «Иван Грозный». Джон Демьянюк	300
10. Родимое пятно и заикание. Тайрон Бриггс	342
<i>Выражение благодарности</i>	405
<i>Примечания</i>	407
<i>Избранные ссылки</i>	409

*Мы посвящаем эту книгу женщинам и мужчинам,
которые были незаконно обвинены, осуждены,
заключены в тюрьму или иным образом
пострадали из-за ошибочных свидетельских показаний*

Гамлет. Видите это облако? Точно верблюд.

Полоний. Клянусь святой обедней, совершенный верблюд.

Гамлет. Мне кажется, оно похоже на хорька.

Полоний. Спина точь-в-точь как у хорька.

Гамлет. Или как у кита?

Полоний. Совершенный кит.

*Уильям Шекспир. Гамлет. Акт III. Сцена 2
(перевод А. Кронеберга)*

От авторов

В этой книге собраны наиболее выдающиеся примеры реальных дел, в которых доктор Элизабет Лофтус участвовала в качестве свидетеля-эксперта. Наша цель состоит в том, чтобы, используя эти примеры судебных трагедий, взятые из реальной жизни, познакомить читателей с важной информацией о человеческой психологии в целом и о человеческой памяти в частности.

Мы брали материал из протоколов судебных заседаний, полицейских отчетов, газетных статей и интервью со свидетелями, обвиняемыми, адвокатами и прокурорами, присяжными и членами семей наших героев. Некоторые эпизоды во многом воссозданы с тем, чтобы донести до читателя важные идеи или упростить сюжет, а протоколы судебных заседаний и показания свидетелей местами отредактированы, чтобы сделать материал более понятным и читабельным. Мы решили изменить имена и отличительные характеристики некоторых лиц, чтобы не создавать им проблем в частной жизни, и в этих

случаях при первом упоминании человека его имя выделяется курсивом.

Чтобы рассказать вам эти истории, мы сами вынуждены были опираться на воспоминания участников этих драм, а также на наши собственные воспоминания об описываемых событиях. И хотя мы всячески старались исправить очевидно необъективные оценки и приводить лишь известные и бесспорные факты, в этих ретроспективных интерпретациях, конечно, в какой-то мере все равно будут присутствовать искаженные воспоминания.

Увы, из психологических исследований и из опыта написания этой книги мы слишком хорошо знаем, что «память» и «правда» — отнюдь не всегда синонимы.

*Элизабет Лофтус
Кэтрин Кетчем*

ЧАСТЬ I

**ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ**

1

Немного о психологических экспериментах

Не думаю, что на свете много людей, которые понимают, насколько важна невиновность для ни в чем не повинного человека.

Из кинофильма «Крик во тьме» (A Cry in the Dark)

Я поднимаюсь по узкому проходу, все вокруг отделано деревом, и стук моих каблуков по блестящему полированному полу усиливает ощущение тишины в зале. Секретарь суда, старушка с идеальными кружками розовых румян на щеках, ждет меня. Я поднимаю руку и слушаю, как она произносит заученную фразу:

— Клянетесь ли вы говорить правду, всю правду и ничего кроме правды? И да поможет вам Бог.

Автоматически отвечаю «да». Секретарь отступает, и я делаю несколько шагов до деревянной конторки, всхожу за нее и сажусь лицом к залу суда. Теперь все глаза устремлены на меня.

Адвокат подходит к свидетельской трибуне и кивает мне головой. Он защищает 23-летнего мужчину, обвиняемого в том, что он проник в жилище в районе Ван-Найс, Калифорния, где живут наиболее обеспеченные представители среднего класса, и в том, что застрелил пожилого мужчину.

— Назовите, пожалуйста, ваше имя!

— Меня зовут Элизабет Лофтус.

Я знаю весь распорядок наизусть и по буквам произношу свою фамилию для судебного репортера: «Л-О-Ф-Т-У-С».

— Доктор Лофтус, — говорит адвокат, и его глубокий голос отдается по всему залу суда, как соло баритона в церковном хоре, — пожалуйста, назовите точно вашу профессию и род занятий.

— В настоящее время я профессор психологии в Вашингтонском университете в Сиэтле.

— Не могли бы вы рассказать нам немного о вашем образовании и опыте преподавательской работы?

Следующие десять минут я перечисляю свои профессиональные достижения: степень доктора философии в Стэнфорде, несколько почетных степеней, членство в различных профессиональных ассоциациях, почетные звания, награды и премии, опубликованные книги и статьи. Двенадцать членов жюри присяжных, по-видимому, слегка заскучали — «ладно, ладно, она эксперт, давайте продолжим!».

— Вы когда-нибудь раньше квалифицировались как свидетель-эксперт по опознанию подозреваемых очевидцами? — спрашивает меня адвокат.

— Да, часто, наверное, раз сто.

— В этом штате?

— Да, и во многих других тоже. В общей сложности в тридцати пяти штатах.

— Отлично, — говорит адвокат. Он возвращается к столу защиты и начинает перекладывать бумаги.

Я слышу шарканье ног по деревянным полам — кто-то скреживает ноги, кто-то кашляет, прочищая горло... Через мгновение эти звуки начинают стихать.

— Доктор Лофтус, позвольте спросить вас, существуют ли общепринятые теории относительно того, как работает память?

— Согласно общепринятым в нашей области теориям, память работает не как видеомаягнитофон. Мы не просто записываем событие, а потом воспроизводим его. Это намного более сложный процесс...

Я рассказываю об этапах запоминания, хранения и извлечения информации из памяти, со всеми подробностями, о которых я уже столько раз рассказывала раньше. Прокурор крутит в пальцах карандаш, смотрит на меня, и его хмурое лицо выражает очевидный скепсис. Он надеется найти какой-нибудь разрыв, маленькую дырочку в сплошной ткани моих показаний, которую он мог бы расширить — и начать рвать меня на части.

Почти два часа я рассказываю о том, как работает память и какие она дает сбои. В 11:00 судья объявляет перерыв на 15 минут. Я встаю, спускаюсь по ступенькам, пересекаю зал и выхожу в коридор попить воды и просто сменить обстановку. Когда я прохожу мимо стола защиты, подсудимый поднимает глаза и смотрит прямо на меня. Я вижу мелкие бисеринки пота у него над верхней губой и замечаю, что воротник крахмаленной рубашки врезается в мягкую плоть его шеи. Он автомеханик, двадцать три года, женат, двое детей, учится в вечерней школе, чтобы получить среднее образование. Готовясь выступать в качестве свидетеля, я прочитала сотни страниц, среди которых нашла кое-какие сведения о личности ответчика. Но иногда лучше не знать слишком много.

Он смотрит на меня с такой надеждой, его страх настолько — почти физически — ощущается в неподвижном воздухе этого зала без окон и без всяких украшений, что меня поражает неуместность этой встречи лицом к лицу. Что я здесь делаю? Что делает психолог-исследователь в суде, представляя факты, взятые из бесчисленных научных экспериментов, в надежде убедить людей, что в наших воспоминаниях реальность иногда искажается и что память выдает нам неточные образы прошлого?

Мучаясь этим вопросом, я иду дальше через зал суда, выхожу в коридор и вдруг в мыслях переношусь во времени назад — в 1969 год, к полированному деревянному столу в конференц-зале Вентура-холла в Стэнфордском университете.

Аспирант бубнит о «скоростях распада при восприятии изображений», а я пишу короткое письмо дяде Джо в Питтсбург. К тому времени я уже наполовину написала свою докторскую диссертацию на тему «Анализ структурных переменных, затрудняющих решение проблем с компьютеризированным телетайпом»* и, говоря по правде, немного заскучала. Между тем в этот самый момент во всех школах в долине Санта-Клара двенадцати- и тринадцатилетние дети садились за компьютеры и пытались решать все более сложные задачи. Я собрала данные, свела ответы в таблицы и сделала предварительные выводы о том, как подростки решают задачи, какие им решать труднее и почему.

Безусловно, это была скучная работа. Теоретическая модель была создана несколько лет назад куратором моей диссертации, а я была лишь одним из аспирантов, каждый из которых был подключен к конкретному слоту, обсчитывавшему наши статистические анализы, и складывал свои результаты в общий котел. Мне казалось, что мой конкретный вклад в общую работу достаточно мал, что-то вроде нарезания морковки для супа. Слева и справа от меня мои коллеги столь же яростно и старательно резали кто лук, кто сельдерей, кто картофель, кто говядину и потом бросали их в ту же огромную кастрюлю. И я не могла не думать о том, что все, что я делаю, — это просто режу морковку.

Я заканчивала черновик диссертации и слушала пятинедельный курс социальной психологии, который был мне нужен, чтобы удовлетворить мои желания в отношении

* Англ. «An Analysis of the Structural Variables that Determine Problem-Solving Difficulty on a Computer-Based Teletype».

распределения, когда мой аккуратный, опрятный и даже слегка скучный мир вдруг повернулся вокруг своей оси. Однажды профессор Джон Фридман, смешной, но в высшей степени умный социальный психолог, обсуждал с нами тему изменения психологических установок, и по ходу лекции я задала ему вопрос о роли памяти в изменении установок.

После занятий Фридман остановил меня и сказал: «Значит, вы интересуетесь памятью? Вот и я тоже. Если вы согласитесь провести кое-какие исследования, я мог бы воспользоваться вашей помощью в работе над одним проектом». Проблема, которую мне предстояло исследовать, формулировалась следующим образом: как человек проникает в свои «подвалы»-хранилища долгосрочной памяти и получает подходящие ответы на задаваемые ему или им самим вопросы? Мы знаем, что люди могут это делать, и более того, они делают это все время. Но как конкретно наш мозг упорядочивает, систематизирует, хранит и извлекает информацию из долговременной памяти?

После этого разговора моя жизнь изменилась. Мы с Фридманом разработали эксперимент, в ходе которого мы сообщали испытуемым два наводящих слова, а затем измеряли время поиска нужной информации в памяти и выдачи ответа. Я присвоила этому исследованию неофициальное название «Назовите животное на букву Z». Мы сообщали одной из групп испытуемых две ключевые связки: «Животное / буква Z», например, или «фрукт / маленький», а потом хронометрировали их ответы. Другой группе мы дали те же пары слов, но в другом порядке — «буква Z / животное», «маленький / фрукт» — и снова измеряли время получения ответа. Когда мы сравнили время реакции для обеих групп, мы обнаружили, что, если подсказка начиналась с объекта (животное, фрукт), реакция была примерно на 250 миллисекунд, то есть на четверть секунды, быстрее. Это позволило нам предположить, что человеческий мозг классифицирует информацию в первую очередь по объектам и категориям, таким как животные или фрукты, а не

по атрибутам, таким как «маленький» или «слова, начинающиеся с буквы Z».

В последние полгода аспирантуры каждую свободную минуту я проводила в лаборатории Фридмана, разрабатывая процедуры экспериментов, занимаясь отбором и подготовкой испытуемых, сведением данных в таблицы и анализом результатов. Когда проект обрел форму и Фридман и его аспиранты поняли, что мы действительно на что-то наткнулись и открываем какие-то новые аспекты работы мозга, я впервые подумала о себе как о *психологе-исследователе*. О, как дивно звучали эти слова! — я смогла спланировать эксперимент, поставить его и довести его до конца. Я впервые почувствовала себя ученым и совершенно отчетливо поняла, что это именно то, чем я хочу заниматься в жизни.

В 1971 году в «Журнале вербального обучения и вербального поведения» (*Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*) была опубликована статья «Извлечение слов из долговременной памяти». Год спустя мы с Фридманом опубликовали вторую статью о долговременной памяти, и на этот раз мое имя стояло первым, то есть я была основным автором. Исследование памяти стало моей специальностью и моей страстью. За несколько лет я написала десятки статей о том, как работает память и какие она дает сбои, но, в отличие от большинства других исследователей, изучающих память, я пыталась найти своим результатам приложение в реальном мире. В частности, я задавалась вопросом, в какой степени человеческая память подвержена суггестивным воздействиям. Насколько точно вспоминают факты люди, ставшие свидетелями серьезной автомобильной аварии? Когда сотрудник полиции допрашивает свидетеля, может ли процедура допроса изменить содержимое памяти свидетеля? Можно ли исказить воспоминания, добавив к ним дополнительную, ложную информацию? Мне мало было сотрясать воздух теоретическими положениями, мне нужны были какие-то более материальные результаты.

Я хотела, чтобы в результате моей работы жизнь людей изменялась к лучшему.

В 1974 году я написала статью, после публикации которой моя жизнь радикально изменилась. Статья «Реконструкция памяти: невероятные свидетельства» (Reconstruction Memory: The Incredible Eyewitness) появилась в декабрьском выпуске *Psychology Today* за 1974 год. В конце этой статьи (в ней я описывала эксперименты, которые проводила в своей лаборатории и которые показали, как с помощью наводящих вопросов в память человека может вводиться новая информация, фактически изменяющая воспоминания о конкретном событии) я упомянула об одном деле в Сиэтле, в ходе которого я сотрудничала с адвокатурой. Молодая женщина и ее бойфренд вступили в яростный спор. Женщина побежала в спальню, схватила пистолет и шесть раз выстрелила в мужчину. Прокурор квалифицировал это как убийство первой степени*, но ее адвокат утверждал, что это была самооборона. В ходе судебного разбирательства возник спор о времени, которое прошло между захватом оружия и первым выстрелом. Ответчица и ее сестра говорили, что между этими событиями прошло две секунды, но другой свидетель утверждал, что прошло пять минут. Точное значение времени, прошедшего между этими событиями, имело решающее значение для защиты, которая настаивала, что убийство произошло спонтанно, что ответчица выстрелила с испуга, не задумываясь. В конце концов присяжные поверили обвиняемой и оправдали ее.

Несколько дней после публикации в *Psychology Today* мой телефон просто разрывался от звонков. Адвокаты хотели узнать мое мнение о свидетельских показаниях против их клиентов — людей, которых обвиняли во всевозможных

* Убийство первой степени — в системе американского правосудия: преднамеренное убийство без смягчающих обстоятельств. — *Примеч. ред.*

чудовищных преступлениях: вооруженных ограблениях, изнасилованиях и убийствах. Я предлагала услуги консультанта и присутствовала в судах в качестве свидетеля-эксперта по проблемам искажения памяти.

В конце декабря 1975 года, перед самым Рождеством, мне позвонил Джон О'Коннелл, адвокат из Юты. О'Коннелл представлял интересы студента-юриста из Сиэтла, обвинявшегося в похищении восемнадцатилетней девушки в Солт-Лейк-Сити. Жертва похищения опознала этого человека после просмотра сотен фотографий более чем через одиннадцать месяцев после инцидента. Оказалось, что полицейские протоколы были полны наводящих вопросов со стороны дознавателей и явных признаков колебаний и неопределенности со стороны потерпевшей.

Я решила взяться за это дело и 25 февраля 1976 года давала показания в Солт-Лейк-Сити. В конечном счете ответчика признали виновным в похищении человека и приговорили к пяти годам лишения свободы. Звали его Тед Банди.

Тед Банди был не последним виновным, в деле которого я участвовала. В 1982 году я согласилась дать показания по делу Анджело Буоно, который в итоге был признан виновным в сексуальных домогательствах и удушении девяти женщин в Лос-Анджелесе (люди называли Буоно и его двоюродного брата Кеннета Бьянки «хиллсайдскими душителями»).

В 1984 году я давала показания по делу Вилли Мака, который был осужден за убийство тринадцати человек в ходе резни в игровом клубе «Ва Ми» в Сиэтле. В этой бойне уцелел единственный человек — 61-летний Вай Чин. После того как я заявила в суде о возможности воздействия на память Вай Чина сильнейшей психологической травмы, связанной с этим массовым убийством, его кузен сказал газетному репортеру, что хотел бы плюнуть мне в лицо.

Еще одно непопулярное дело, по которому я с перерывами работала в течение многих лет, — это дело о детском саде

Макмартинов. Раймонду Баки и его матери Пегги Макмартин Баки были предъявлены обвинения (по шестидесяти пяти пунктам) в растлении малолетних в их детском саду на Манхэттен-Бич, штат Калифорния. Дети рассказали, что Рэй Баки вставлял им в вагины и в анусы карандаши, столовые приборы и другие неуместные предметы, что он убил лошадь бейсбольной битой и что он водил их на экскурсии по кладбищам¹. Просматривая объемистые стенограммы первого судебного процесса (а это были показания за 28 месяцев), я нашла несколько интересных высказываний о человеческой памяти. Так, 25 февраля 1988 года (с. 28 857 протоколов судебных заседаний) судья заявил:

Знание может быть осознаваемым и неосознаваемым. Иными словами, существует концепция, которая, думаю, достаточно точна, что вы никогда ничего не забываете, из вашей памяти не исчезает ничего из того, что вы когда-либо видели или слышали, но что ваша способность вызывать эту информацию на уровень вашего сознания весьма ограничена.

Двадцать лет своей профессиональной деятельности я потратила на попытки развеять миф о том, что человеческая память безошибочна и надежно защищена от искажений, и поэтому согласилась выступить консультантом в деле Макмартинов. Одной девочке-свидетельнице было четыре года, когда имел место (предполагаемый) инцидент, семь лет, когда она впервые рассказала об этом социальному работнику, восемь лет, когда она рассказала свою историю перед присяжными, и десять лет, когда она давала показания в суде. Кто знает, что могло произойти с ее воспоминаниями за эти шесть лет? Этот вопрос кажется мне самым важным для присяжных, принимающих решение о виновности или невиновности подсудимого. Между тем очень мало кому удастся беспристрастно оценить мои показания в таких сенсационных делах. Недавно

я обедала с подругой, матерью детей дошкольного возраста, которая работает воспитателем в детском саду, и упомянула о своем участии в деле Макмартинов. Она повернулась и посмотрела на меня так, словно я была мухой, которая только что попала ей в суп. «Как ты могла?! — воскликнула она. — Неужели у тебя нет ни морали, ни совести?»

Несколько лет назад в коридоре у зала суда, где я (в качестве свидетеля со стороны защиты) давала показания по делу об изнасиловании, я столкнулась с прокурором. Он подошел ко мне и тоном человека, уверенного в своей правоте, сказал: «Ты просто сука!» Но адвокат быстро взял меня за руку и увел.

Судьи часто воспринимают меня как ненужную помеху и очень неохотно принимают во внимание мои показания. Они утверждают, что, выступая с такими показаниями, эксперт вторгается в зону компетенции присяжных или что я предлагаю присяжным практически общеизвестную информацию, на уровне здравого смысла.

Мои коллеги-психологи тоже ожесточенно спорят о целесообразности заслушивания показаний эксперта-психолога в суде. Мои оппоненты утверждают, что результаты моих исследований пока не нашли подтверждений в реальных жизненных ситуациях и что поэтому мои свидетельства преждевременны и чрезвычайно вредны.

Группы, защищающие права жертв, обвиняют меня в искажении истины и утверждении несправедливости путем подрыва доверия к свидетелям. Они утверждают, что я должна признать свою личную ответственность за то, что виновные выходят на свободу.

Недавно я как эксперт выступила с заявлением о сомнительном характере свидетельских показаний в одном деле об изнасиловании. После того как насильник был оправдан, я получила длинное гневное письмо от матери потерпевшей. Своими показаниями в пользу подсудимого, писала она, я свела на нет показания ее дочери и усугубила ее страдания. Принимая

плату за свое выступление в качестве свидетеля, намекнула она, я становлюсь в один ряд с убийцами и насильниками всего мира и отворачиваюсь от невинных жертв.

Что я почувствовала, прочитав это письмо? Я почувствовала себя подлой, отвратительной и несчастной. Несколько дней я размышляла о том, почему я делаю то, что делаю, и не пришло ли время вернуться в свою лабораторию без единого окна и остаться там лет на десять или даже на двадцать. Но жизнь — странная штука. Через неделю после того, как я получила это горестное письмо матери потерпевшей, мне позвонил адвокат, с которым я работала над апелляцией по делу подростка, обвиненного в сексуальном насилии. «Я только что с заседания суда, — сказал он мне. — Мы пытаемся добиться прекращения дела, поскольку выяснилось, что обвинение скрыло еще одного свидетеля, женщину, на которую напал, по-видимому, тот же человек, что и на жертву, и которая настаивает на том, что мой клиент не мог быть человеком, напавшим на нее. Прокурор лгал нам, искажал доказательства и создавал нам все препятствия, какие только мог, пытаясь так или иначе засудить моего клиента. Невинный человек был обвинен, осужден и заточен в тюрьму, потому что система протухла. В этот момент, по правде говоря, мне было стыдно за то, что я юрист».

Уже не в первый раз адвокат говорил мне, что в попытках сформировать доказательную базу против обвиняемого полиция и прокуроры заходят слишком далеко. И причиной этого, в большинстве случаев, не является злой умысел или простая некомпетентность. Когда полиция и прокуратура скрывают свидетельские показания, искажают факты или давят на свидетелей, они делают это потому, что совершенно уверены в том, что они арестовали «того самого» человека и теперь обязаны сделать все для того, чтобы правосудие свершилось. Когда они говорят себе: «Мы закрыли того, кого нужно, нельзя допустить, чтобы он свободно разгуливал по улицам», они, возможно, даже не осознают, что сокрытие улики или легкое

искажение фактов — это плохой, неправильный поступок. Но проблема не только в этом — они еще и дезинформируют свидетелей, так что те начинают игнорировать собственные сомнения и опасения и уверенно заявляют в суде, что они абсолютно убеждены в том, что подсудимый и есть настоящий преступник. Понятно, что в подобных условиях риск осуждения невинного человека заметно возрастает.

Как сказал еще в XVI веке Фрэнсис Бэкон, «ибо как только суд встает на сторону несправедливости, закон становится государственным преступником, а человек человеку волком». Я помню слова великого правоведа XIX века Уильяма Блэкстоуна, который утверждал, что лучше отпустить десять виноватых, чем осудить одного невинного. И я помню простые и горестные слова Филиппа Карузо, ложно обвиненного в вооруженном ограблении в 1938 году: «Когда ты виновен и в тюрьме, все в порядке. Ты можешь спокойно спать ночью. Но я был невинен, и непрерывно думал об этом, и не мог спать спокойно».

Наша система уголовного правосудия не вполне надежна, не имеет специальной защиты от неумелого обращения с ней и дает сбои чаще, чем может показаться со стороны. Например, она дала сбой в деле Изадора Циммермана. Тюремные служащие принесли ему последнюю трапезу, позволили выкурить сигарету, срезали ему волосы и даже сделали разрез в штанине для электродов, которые присоединяются к электрическому стулу. Потом они оставили его с семьей, чтобы они могли все вместе поплакать, помолиться и попытаться найти в себе силы достойно встретить последнее событие в его жизни. Но за несколько минут до назначенной казни ему объявили, что смертный приговор заменен на пожизненное заключение.

Циммермана обвинили, судили и признали виновным в убийстве полицейского в Нью-Йорке во время ограбления 10 апреля 1937 года. В тюрьме Циммермана избивали охранники, он потерял правый глаз в драке с другим заключенным

и однажды даже пытался покончить с собой, разбив себе голову о стену своей камеры. Его мытарства продолжались четверть века, и все это время он настаивал, что он невиновен и находится в заключении по ложному обвинению окружного прокурора. После того как он отсидел в тюрьме более двадцати четырех лет, с помощью лабораторных методов, которые в те, прежние годы, когда его судили, еще не были доступны, удалось доказать, что Циммерман не мог совершить то преступление, в котором его обвинили.

В 1983 году, через сорок четыре года после того, как Циммерман должен был умереть на электрическом стуле, Претензионный суд штата Нью-Йорк присудил этому бывшему швейцару миллион долларов — одну из самых крупных в истории США компенсаций, полученных за противоправное лишение свободы. Но это, естественно, не могло утешить Циммермана. «Я не видел, как растет моя семья, мои племянники и племянницы, — сказал он репортеру, узнав о решении суда. — Я был лишен великой любви матери и отца. Я сам отчаянно хотел быть отцом — и не стал им. У меня нет никаких доходов. Я калека. Я совершенно опустошен. Весь этот кошмар останется со мной до конца моих дней. Никакая сумма не сможет компенсировать то, что я потерял и что никогда и ничем не удастся заменить».

Система правосудия дала сбой и в случае с Фрэнсисом Хемауэром, которого в 1971 году жертва изнасилования, имевшего место тремя годами раньше, опознала как человека, изнасиловавшего ее. После восьми лет тюремного заключения Хемауэр был освобожден, потому что анализы крови показали, что у настоящего преступника была кровь группы В, а у Хемауэра — группы А.

Система дала сбой и в деле Натаниэля Уокера, тридцатитрехлетнего фабричного рабочего, которого жертва изнасилования выбрала из представленной ей группы и который был заключен в тюрьму почти на десять лет — до тех пор, пока

данные лабораторного анализа не показали, что он не мог совершить это преступление.

Были неправедно осуждены Рэндалл Адамс, Роберт Диллен, Ларри Смит, Фрэнк Маккенн, Ким Бок — этот список очень длинный, но вам эти имена все равно ничего не скажут, и они ничего для вас не значат. У нас избирательная и короткая память на невинных людей, чьи жизни были перечеркнуты указательными пальцами ошибшихся свидетелей. Мы воспринимаем такие случаи как отклонения, неизбежные потери. «Идеальных систем не существует, — говорят мне люди. — Ошибки время от времени случаются и будут случаться впредь». Я смотрю на них и молчу. Будь это твоя жизнь, хочу я спросить, едва сдерживая ярость, ты бы удовольствовался тем, что это назвали бы «просто ошибкой»?

И тут меня перебрасывают обратно в настоящее: судебный пристав распахивает двери в зал суда, и публика возвращается на свои места. Я следую за всеми, иду по проходу и, открыв невысокую дверцу, поднимаюсь по ступенькам в свой деревянный короб. Обращенная лицом к залу, услышав стук судейского молотка, я быстренько отбрасываю мои личные воспоминания и прибегаю к другим зонам хранения информации, в которых содержатся результаты моих тренингов и мои знания о памяти и восприятии информации. Прокурор стоит, просматривая вопросы, которые он намерен мне задать. Я выпрямляю спину и делаю глубокий вдох. Сейчас мне необходимо быть настороже и в полной готовности. Потому что от этого зависит будущее человека.

Я мельком еще раз смотрю на подсудимого, сидящего на своем месте за столом защиты. Так виновен он или нет? Когда-то один адвокат сказал мне, что он никогда не позволяет себе думать об этом, потому что это может повлиять на качество его работы, главная цель которой — защита интересов клиента. «Но почти все они виновны», — добавил он. Замечу, что этот адвокат представлял интересы несчастного Стива

Тайтуса, ставшего жертвой ошибочного опознания. Я помню эпизод из фильма «Верящий в правду» (True Believer), в котором известный адвокат, роль которого исполняет Джеймс Вудс, беседует с идеалистически настроенным молодым юристом. «Итак, вы хотите быть адвокатом? — спрашивает он горестно-саркастическим тоном. — Тогда вам следует знать: все они виновны». Но, согласно голливудской традиции, циник сталкивается с человеком, которого посадили в тюрьму за преступления, которых он не совершал, и в дальнейшем, борясь за справедливость, этот адвокат вновь обнаруживает истинную страсть к своей профессии.

Я знаю, что на самом деле невиновный человек входит в зал суда и садится именно так, как сидит сейчас в зале суда этот подсудимый, беспомощный, безо всякой надежды, с расширенными глазами, и его страх переходит в панику. Ведь невиновный входит в зал суда без нимба над головой и без белого облака. Наоборот, на нем как бы проступает печать вины, он выглядит (и сам смотрит) как виновный, от него прямо-таки веет виной, и, когда свидетель указывает на стол защиты и говорит: «Это сделал он! Это он!» — вы как будто слышите стук другого молотка, уже не судейского, а того, которым забивают гвозди в крышку его гроба.

Опознание обвиняемого очевидцами — самое убийственное из всех доказательств, которые могут быть использованы против обвиняемого. Если свидетель-очевидец указывает пальцем на подсудимого и говорит: «Я видел, как он это делал!» — то что тут скажешь, дело совершенно ясное, как выразился один прокурор, «отлито из чугуна, стянуто латунью, скреплено медными заклепками и герметично». Как можно сомневаться в показаниях свидетелей преступления, когда они абсолютно убеждены в том, что говорят правду? Зачем им лгать-то, в конце концов?

Стоп! Давайте-ка повнимательнее присмотримся к слову ЛГАТЬ. Именно оно не позволяет нам правильно оценить

ситуацию. Поймите: свидетели, указывающие пальцем на невинных обвиняемых, не лгут, они искренне верят в правдивость своих показаний! Для них лицо, которое они видят перед собой, — это лицо преступника. Но иногда при этом лицо невинного превращается в лицо виновного. Это действительно пугающий момент, потому что мысль о том, что наши воспоминания можно изменить, причем изменить почти незаметно, но необратимо, и что нечто такое, о чем мы думаем, что знаем это наверняка, и во что мы верим всем своим сердцем, может оказаться неправдой, поистине ужасает.

2

Магия разума

Вы только подумайте — три фунта влажной паутины, состоящей из миллиардов крошечных информационных процессоров, объединенных в сети, движимых химией и электричеством и создающих всю эту магию разума.

*Роджер Бингам, сценарист и продюсер фильма
«Память: ткань разума» (Memory: Fabric of the Mind)*

Шел август 1979 года. Обвинения прокурора в адрес лысеющего остролицего 53-летнего священника Римско-католической церкви были, казалось, железно обоснованы: семь очевидцев под присягой показали, что отец Бернард Пагано был тем самым хорошо одетым человеком, который направлял на них маленький серебристый пистолет и вежливо требовал, чтобы они отдали ему все деньги из своих касс — то есть совершил серию вооруженных ограблений.

Сам же отец Пагано утверждал, что он стал жертвой ошибочной идентификации. Но всех членов жюри присяжных мучил один и тот же вопрос: «Ну как могут ошибаться сразу семь свидетелей?»

Но едва прокурор закончил изложение своих аргументов, как судья ошарашил весь зал, объявив, что в этих ограблениях признался другой мужчина. Некто Роберт Клаузер объяснил полицейским, что он не признавался раньше, потому что ему казалось, что отец Пагано будет оправдан. Клаузер

действительно знал такие подробности этих преступлений, которые мог знать только сам грабитель (причем эти подробности никогда не раскрывались ни в суде, ни в СМИ). Клаузер был на четырнадцать лет моложе отца Пагано и имел безупречную шевелюру, однако при этом был поразительно похож на него.

23 августа 1982 года. В городе Гринвилл, штат Техас, арестован некий Ленелл Гетер по обвинению в ограблении ресторана KFC. Гетеру было двадцать пять лет, он учился в колледже и работал инженером-механиком в проектно-конструкторской фирме в Гринвилле. Пять очевидцев уверенно опознали его, однако девять сотрудников Гетера утверждали, что он не мог быть грабителем, потому что весь день был на работе, а ограбление произошло в 15:20 в пригороде Далласа, в 80 км от места его работы. Директор этой инженерной фирмы объяснил, что Гетер, единственный афроамериканец в своей рабочей группе, «выделялся, как изюминка в тарелке с рисом», и, если бы он отсутствовал несколько часов посреди рабочего дня, они бы заметили это.

Суд по этому делу состоялся в октябре 1982-го. Пять свидетелей один за другим указали на Гетера в суде и уверенно опознали его как грабителя. Назначенный судом адвокат Гетера требовал исключить результаты опознания подсудимого свидетелями из перечня доказательств, потому что работники ресторана (все белые) первоначально описывали грабителя как человека ростом около 170 см, в то время как рост Ленелла Гетера превышает 180 см. Но судья отклонил это ходатайство.

Жюри присяжных, состоявшее только из белых, признало Гетера виновным, и он был приговорен к пожизненному заключению. Он провел в тюрьме шестнадцать месяцев, однако за это время его коллеги, стремясь добиться пересмотра его дела, призвали на помощь юристов из Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP). Впоследствии, в марте 1984 года, был арестован еще один

подозреваемый, и теперь четверо из пяти очевидцев, которые раньше уверенно опознавали Гетера, вдруг передумали (но на этот раз подозреваемым стал тот человек, который действительно ограбил ресторан). И Ленелл Гетер вышел на свободу — отбыв шестнадцать месяцев в тюрьме за преступление, которого он не совершал!

Я познакомилась с отцом Пагано и Ленеллом Гетером в 1985 году, когда мы все вместе появились в бостонском телевизионном шоу, посвященном ошибочным идентификациям. Отец Пагано по-прежнему мучительно переживал то, что с ним случилось, потому что он так и не услышал извинений, которых, как ему казалось, он заслуживал как жертва ошибочного опознания. Кроме того, он глубоко погряз в долгах, потому что потратил на защиту более 70 000 долларов.

Ленелл Гетер, об ошибочной идентификации которого тоже рассказали в телевизионной программе «60 минут» (Sixty Minutes), сказал мне, что тогда в суде он испытал настоящее потрясение. «Меня ошибочно опознали пять человек! — сказал он. — Как такое могло случиться? Как могли так ошибиться сразу пять человек?»

* * *

Свидетельства очевидцев, которые априорно считаются достоверными, поскольку достоверной считается человеческая память, оказывают огромное влияние на исход судебного разбирательства. Никакие иные доказательства не имеют такого веса в суде, как показания реальных свидетелей, ну разве что за исключением еще дымящегося пистолета. Память свидетелей оказывается решающим фактором не только в уголовных, но и в гражданских делах — показания очевидцев играют решающую роль в определении виновника случившегося.

Признание таких свидетельств убедительными доказательствами неявно опирается на предположение о том, что

человеческая память работает как высококачественный видеоманетофон, записывающий и сохраняющий точную информацию о событиях. Люди прямо-таки неистово верят в то, что сохраняющиеся в памяти воспоминания, мысли и впечатления неизменны, не подвержены никаким воздействиям и никогда не стираются из нее. Зигмунд Фрейд полагал, что долгосрочные воспоминания хранятся глубоко в бессознательном уме, слишком глубоко, чтобы на них могли повлиять текущие события и переживания, и большинство людей до сих пор принимают эту концепцию памяти Фрейда на веру.

Как-то мы вместе с Джеффри Лофтусом, моим мужем и коллегой, профессором-психологом, провели опрос, в ходе которого предложили 169 респондентам из разных районов США высказать свое мнение относительно того, как работает память. При этом 75 из них имели формальное образование в области психологии, а остальные 94 не имели его. Эти 94 человека принадлежали к самым разным профессиям: среди них были юристы, секретари, таксисты, врачи, философы, пожарные дознаватели и даже 11-летний ребенок. Им задали такой вопрос: «Какое из приведенных ниже утверждений лучше отражает ваше представление о том, как работает человеческая память?»

1. Все, что мы узнаём, навсегда сохраняется в нашем мозге, хотя иногда некоторые детали оказываются недоступными. Однако с помощью гипноза и других специальных методов эти недоступные детали все-таки можно восстановить.

2. Некоторые детали, которые мы знали, могут навсегда стираться из памяти. Такие детали никогда не удастся восстановить ни с помощью гипноза, ни с помощью какой-либо другой специальной методики, потому что их просто больше нет в памяти.

84% психологов и 69% непсихологов выбрали первый ответ, то есть были уверены, что вся информация в долгосрочной памяти сохраняется, хотя иногда кое-что из нее невозможно

извлечь. Чаще всего причиной выбора такого ответа был личный опыт, причем имелась в виду необходимость восстановления образа, который человек не вспоминал уже достаточно долгое время. Следующая причина (на которую обычно ссылаются психологи) — это знакомство с работами Уайлдера Пенфилда, чьи исследования стимуляции мозга у больных эпилепсией использовались в качестве доказательств справедливости теории, утверждающей, что воспоминания стабильны и неизменны. Некоторые респонденты при обосновании своей веры в неизменность воспоминаний упоминали гипноз, психоанализ, пентотал* и иные факторы.

Но на самом деле человеческая память далека от совершенства и постоянства, а забывчивость — самое обычное явление в нашей жизни. Одна из наиболее очевидных причин забывания состоит в том, что собственно информация никогда не хранится в нашей памяти на самом видном месте; более того, в ней часто не находится места даже для самых обычных, ежедневно используемых предметов. Возьмем, например, монетку 1 цент. Обычно люди утверждают, что знают, как выглядит эта монетка, и несколько не сомневаются в том, что узнают ее, если увидят. Однако в ходе эксперимента, проведенного в 1979 году, точное изображение настоящей одноцентовой монеты из пятнадцати предложенных вариантов выбрали менее половины респондентов¹. А вы сможете найти ее точное изображение? (См. рисунок на с. 33.)

Еще один предмет, на который мы то и дело смотрим каждый день, — это телефон. Однако сможете ли вы вспомнить, какие буквы стоят над каждой цифрой на клавиатуре вашего телефона?

Но даже если мы будем внимательны и в нашей памяти фиксируется достаточно точный отпечаток какого-либо объекта

* Пентотал, или тиопентал натрия — психоактивное вещество, использовалось в США, Англии и некоторых других странах в целях ускорения психоанализа. Иногда его называют «сывороткой правды». — *Примеч. ред.*

или переживания, он не останется в памяти неизменным. Первоначально запечатленное воспоминание начинает изменяться под влиянием других факторов. Со временем, при надлежащей мотивации или в результате вмешательства или ознакомления с новыми фактами, противоречащими прежней информации, отпечатки событий в памяти трансформируются или даже заменяются, зачастую без участия нашего сознания. И тогда мы можем «вспоминать» события, которых на самом деле не было.

Детский психолог Жан Пиаже в своей работе «Игры, сновидения и подражание в детском возрасте» (*Plays, Dreams, and Imitation in Childhood*) приводит собственную историю, демонстрирующую коварство памяти:

...одно из моих первых воспоминаний — будь оно правдой — относилось бы ко второму году моей жизни. Я по-прежнему могу очень четко увидеть эту сцену, в реальность которой я верил почти до пятнадцати лет. Я сижу в коляске, которую моя няня везет по Елисейским Полям, и вдруг какой-то мужчина пытается похитить меня. Меня удерживает ремешок, которым я пристегнут, в то время как няня храбро пытается встать между мной и злоумышленником. В борьбе она получает несколько царапин, и я до сих пор смутно вижу их на ее лице. Собирается толпа, подходит полицейский в короткой накидке и с белой дубинкой, и мужчина пускается наутек. Я до сих пор вижу всю эту сцену и даже могу сказать, возле какой станции метро она происходила. Но, когда мне было около пятнадцати лет, мои родители получили письмо от этой моей бывшей няни, в котором говорилось, что она вступает в Армию спасения и поэтому хочет сознаться во всех своих ошибках прошлого, и в частности вернуть часы, которые ей подарили в награду за ее поведение в той ситуации. Оказалось, что она выдумала всю эту историю, подделав царапины. Итак, я, конечно, слышал в детстве эту историю, в которую верили мои родители, и встроил ее в свое прошлое в виде визуального воспоминания.

Научно-популярное издание

Элизабет Лофтус и Кэтрин Кетчем

СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ

**Шокирующие доказательства уязвимости
наших воспоминаний**

Редактор Н. Галактионова

Художественный редактор С. Карпухин

Технический редактор Л. Синицына

Корректор О. Левина

Верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная,
д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 08.06.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 3000 экз. В-СНМ-21461-01-Р. Заказ

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru